

УДК 343.9

А.А. ИВАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижегородский филиал*

КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В статье рассматривается антикоррупционное законодательство и высказываются идеи его совершенствования. Предлагается ввести юридическое понятие коррупционного преступления, его основного признака – коррупционной сделки. Раскрываются перспективы данных инновационных мер в реализации в антикоррупционной политике.

Ключевые слова: коррупционное преступление; коррупционный признак; противодействие коррупции; коррупционная сделка; коррупционные сети.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» коррупция (ст. 1) определяется как незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным общественным либо государственным интересам для получения выгоды. По сути, социально-юридическое явление сведено до конкретного вида деяния или должностного (служебного) преступления, в котором коррупционный признак оказывается не обязательным. Можно сказать, законодательное определение (насколько оно удачное – другой вопрос) дано коррупции как нормативно-правовому понятию, т.е. правонарушению.

Но правонарушения – это лишь одна, хотя и многообразная форма проявления коррупции как сложнейшего социального феномена. За внешними, формальными характеристиками явления, позволяющего иметь очень общее представление о нем как об объекте управленческого воздействия (противодействия коррупции), необходимо определять его сущностные признаки. От этих знаний в немалой степени зависит, насколько глубоко, научно обоснованно может быть проработана концепция антикоррупционной политики, а, стало быть, и обеспечена эффективность ее реализации.

В частности, не рассматриваются законодателем в качестве предмета подкупа и взятки не менее значимые нематериальные блага (здоровье, честь, деловая репутация), как отмечает профессор А.И. Долгова [1], различается ответственность корруптеров и коррупционеров. Следовательно, из-за неполного охвата лиц и составов коррупционных преступлений уголовное законодательство недостаточно отражает проявления коррупции.

В современной государственной политике противодействия преступности (и в антикоррупционной политике) явно недостает научности. Антикоррупционную политику можно определить как теоретическую разработку (концепцию) и практическую реализацию принципов, стратегии и тактики противодействия коррупции, выраженную в соответствующих директивных актах и разносторонних мерах, направленных на минимизацию, нейтрализацию, а по возможности, устранение коррупциогенных факторов.

В связи с этим важно определиться с критериями юридической оценки деяний, особенно сти деяний, содержащих преступность. Однако здесь возникают трудности, обусловленные, в частности, тем, что до настоящего времени отсутствует понятие «коррупционное правонарушение», а следовательно, и «коррупционное преступление». Это вызывает, по крайней мере, недоумение. Как известно, в утвержденном бывшим президентом РФ Д. Медведевым 31 июля 2008 г. «Национальном плане противодействия коррупции» в качестве первоочередных мер законодательного обеспечения противодействия коррупции предусматривалось определение понятий «коррупция» – как социально-юридическое явление и «коррупционное правонарушение» – как отдельное проявление коррупции, влекущее за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность [2].

Что касается понятия коррупционного правонарушения и, в частности, коррупционного преступления, то его законодательного определения вообще не было дано, причем перед законодателем подобная задача до сих пор не поставлена.

Отсутствует термин и в новом «Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 гг.», утвержденном Указом Президента РФ от 13 марта 2012 г.

Между тем термин «коррупционное правонарушение» широко используется в Федеральном законе «О противодействии коррупции». В нем выражено интегрированное свойство правонарушения – дисциплинарной, административной, уголовной. Это хорошо для фундаментальной теории, но не для отраслевой теории, законодательной и правоприменительной практики, где общее (абстрактное) понятие преломляется через призму «отраслевой» специфики нарушаемых правоотношений. То есть речь идет о дифференцированном подходе к юридической оценке (в законодательстве и правоприменительной практике) проявлений коррупции. Это устанавливает единые, своего рода стандартные признаки, например, коррупционного преступления и его разновидностей, тем самым устраняя разногласия в юридической оценке содеянного.

Между тем этот вопрос приобретает еще большее значение в связи с предполагаемым введением уголовной ответственности в отношении юридических лиц.

Дифференцированный подход обеспечивает «точечное» воздействие уголовно-правовыми средствами на коррупционные проявления с учетом их специфических признаков, в которых выражены характер и степень общественной опасности. И в этом отношении представляется важным оценивать деяния не с позиции широкого («размытого») понимания коррупционного правонарушения (преступления), где оказываются нивелированными его качественные различия, а исходя из истинно коррупционной составляющей.

Таким образом, в широком понимании коррупционным правонарушением признается любое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, но в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

С таким законодательным решением трудно согласиться. Например, Е.В. Марьина пишет, что в юриспруденции понимание коррупции в

широком смысле «размывает границы между коррупционным правонарушением и поведением, сопряженным (связанным) с коррупцией» [3].

В связи с этим представляется уместным обратиться к ратифицированной Россией Конвенции Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Страсбург, 27 января 1999 г.). В документе в частности определены две категории субъектов коррупционного правонарушения: (публичное) должностное лицо (п. «а» ст. 1) и иное физическое лицо (ст. ст. 9–11). Также указаны способы совершения коррупционного правонарушения. Примечательно, что все эти способы содержат такой специфический признак, как подкуп (пассивный, активный). Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости конкретизации понятия коррупционного преступления, исходя из узкого подхода.

Но политика усиления противодействия коррупции не позволяет ее исполнителям ожидать законодательного определения коррупционного преступления, основанного на конвенциональном, доктринальном его определении. Правоприменитель должен действовать, активизироваться.

Так появилось совместное указание Генпрокуратуры РФ № 187/86 и МВД РФ № 2 от 30 апреля 2010 г. «О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности», содержащее перечень преступлений коррупционной направленности (п. 1) [4].

Как следует из документа, вместо термина «коррупционное преступление» использован термин «коррупционная направленность». Таким образом, отсутствие уголовно-правового признака было компенсировано расплывчатым в данном случае «ведомственным» признаком – направленностью. Невольно хочется задать вопрос: направленностью на что? Но вопрос этот риторический. На него нет ответа. Однако есть критерии оценки такого рода преступлений. К ним отнесены:

а) наличие надлежащих (специальных) субъектов уголовно наказуемого деяния (должностные лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ, а также ст. ст. 201, 204 УК РФ);

б) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

в) наличие у субъекта корыстного мотива;

г) прямой умысел.

Как видим, такой собственно коррупционный признак, как подкуп в его широком юридическом значении почему-то отсутствует. Его подменяет «удостоверяющий» признак: наличие в *статистической* карточке соответствующей отметки.

Напрашивается аналогия с юридической оценкой деяний экстремистской направленности. Но в данном случае некорректное «направленность» скорректировано законодателем, определившим экстремистский мотив в качестве обязательного состава ряда преступлений и обстоятельства, отягчающего наказание.

Представляется, что так и следует поступить с преступлениями «корыстной направленности». Прецедент тому есть. Например, понятие коррупционного преступления не закреплено в уголовном законе Республики Казахстан, но зато «компенсировано» их исчерпывающим перечнем. Причем этот перечень определен не силовыми ведомствами, а самим законодателем: они содержатся в примечании к ст. 307 УК Республики Казахстан. Такое законодательное решение делает фактически не нужным определение в законодательстве коррупционного преступления [5], поскольку они определены в законе.

Что касается научного определения, то, по нашему убеждению, оно должно быть разработано. Это обусловлено тем, что в научном (криминологическом) определении в какой-то мере найдет выражение сущность той реальности, которая интегрируется в явление, именуемое угрозой национальной безопасности. Иными словами, в коррупционных преступлениях проявляется уже сущность коррупции как социально-правового явления, или коррупционной преступности. Таким образом, изучение преступлений как частных случаев проявления коррупции (ее анализ) выводит исследователя совсем на другой уровень изучения и открытий. И в этом случае научные знания во многом определяют антикоррупционную политику в целом и в основных ее направлениях в особенности: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, криминологической.

Понятием коррупционного преступления, по нашему убеждению, не следует охватывать широкий круг деяний, относящихся к должностным преступлениям, ибо в этом случае они, как бы

«растворяют» в своей массе подлинные (основанные на подкупе-продажности) коррупционные преступления. Тем более их относительно легче выявить и, таким образом, обеспечить показатели антикоррупционной деятельности.

Представляется целесообразным выделить коррупционные преступления в самостоятельную категорию по специальному признаку – коррупционной сделке. Коррупционная сделка – это «соглашение между физическим лицом (коррупционером), представляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах» [6]. Такой подход позволит, в частности, изменить не просто критерии оценки коррупционного преступления как статистической единицы, но, главным образом, отразить в деянии его ключевой признак – коррупционную сделку.

Именно такого рода криминальная сделка лежит в основе коррупционных сетей. Коррупционные сети, как отмечается, например, в документах Комитета противодействия коррупции (Краснодарский край), от единичных *сделок* коррупционеры переходят к скоординированным действиям, объединяясь в сообщества, образующие коррупционные сети, которые, в свою очередь, «являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок» [7].

За 2010 г. общая сумма коррупционных сделок в России превысила 114,3 млрд рублей [8]. По данным Департамента экономической безопасности МВД, в 2011 г. средний размер взятки составил порядка 250 тыс. руб., что почти в 4 раза больше показателя 2010 г. и в 10 (!) – показателя 2009 г. [9].

По результатам исследования СМИ за 2010 г. был составлен рейтинг коррумпированности, согласно которому лидирующую позицию по количеству фактов злоупотреблений и взяточничества удерживают чиновники (47% от общего количества опубликованных в прессе коррупционных фактов). Второе место занимают сотрудники милиции (23%). Третье место – работники образования (9%), четвертое – сотрудники ГИБДД и представители медицинской сферы (5%) [9].

Следует отметить, что в результате анализа коррупционных приговоров судебный департамент при Верховном суде РФ выявил негативную тенденцию антикоррупционной компании: среди осужденных за коррупционные преступления преобладают мелкие взяточники. Большинство доказанных взяток относятся к незначительным суммам от 500 рублей до 3 тысяч, при этом более значимые коррупционные преступления (а следовательно, чиновники-взяточники) остаются безнаказанными.

Профессор Н.А. Лопашенко отмечает, что в основе заключаемой коррупционной сделки лежит обоюдно извлекаемая сторонами выгода в самом широком понимании, которая может носить конкретный, материальный характер и выражаться, например, в деньгах, имуществе, ценных бумагах [10]. Материальная выгода может быть опосредованной, если лицо извлечет ее не сразу, а в результате оказанной ему услуги в виде, например, предоставления более высоко оплачиваемой должности. Выгода может вовсе не носить материального характера и быть нематериальной (помощь в избирательной кампании, благоприятный пиар, лоббирование чьих-либо интересов и т.п.). Причем характер выгоды с разных сторон коррупционной сделки совпадает далеко не всегда; обе ее стороны могут преследовать конкретные материальные цели, но это вовсе не является обязательным, и одна из сторон может преследовать цель получения нематериальной услуги. Таким образом, в любом случае коррупционная сделка носит возмездный характер, хотя возмездность не означает получение только материальной выгоды.

Борьба с коррупционными сетями, опутавшими страну, нуждается в особом отношении к ней. Она должна быть определена главным приоритетом антикоррупционной политики, адекватной закономерностям развития коррупции. При этом, как справедливо отмечает один из исследователей феномена коррупционных сетей А.М. Абадиев, следует проводить различия между формами корыстного злоупотребления властью и коррупционным взаимодействием [11].

Возвращаясь к мысли о ныне действующей системе показателей противодействия коррупции, следует сказать, что широкий круг критериев оценки коррупционных преступлений диктуется ведомственными интересами. Это позволяет обе-

спечить статистику, точнее ту самую палочную систему оценки усердия правоприменителя в противодействии коррупции: чем больше выявлено фактов коррупционных преступлений, чем больше возбуждено уголовных дел, раскрыто, расследовано преступлений, тем лучше. Лучше – для органов полиции, следственных органов.

По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, в 2011 г. число нарушений антикоррупционного законодательства в России выросло на 40% по сравнению с 2010 г. и составило 312 300 [12]. Количество уголовных дел, возбужденных по фактам этих нарушений, увеличилось на 8%. Треть от общего числа нарушений составляют взятки.

Что касается общества, людей, для них понятие «лучше» будет заключаться в нормальном, бескорыстном человеческом отношении должностных лиц. А это, даже в большей степени, требует и иных мер противодействия коррупции – которые направлены прежде всего на нравственное оздоровление, формирование правовой культуры, наконец, на деинституционализацию коррупции, что означает разрушение коррупционных сетей.

Эти меры призваны коренным образом позитивно воздействовать на сложившуюся криминологическую ситуацию в стране, а именно пробудить в людях осознание характера и степени общественной опасности коррупции, сформировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, чего в сегодняшней ситуации практически не наблюдается. И в этом заключается одна из особенностей коррупционной угрозы национальной безопасности. Более того, как показывают социологические исследования, четверть российских граждан считают коррупцию нормальным явлением, а взяточничество – нормой поведения [13].

Анализ так называемой бытовой коррупции, в частности, показывает, что граждане вынуждены платить за решение социальных и бытовых проблем (например, устройство ребенка в детский сад, школу, получение разрешительных документов и т.д.). В утаивании коррупционного преступления заинтересованы обе стороны криминальной сделки.

Коррупционная сделка представляет собой не только противоправное деяние в виде конкретного законодательно закрепленного правонарушения,

но является также «злоупотреблением права» со стороны управомоченного субъекта.

К примеру, наиболее распространенными нарушениями прав предпринимателей являются факты, когда чиновники, игнорируя требования закона, подвергали предпринимателей необоснованным проверкам, производили изъятия значительных объемов товаров и документов, требовали информацию, образцы продукции, которые не являлись предметами проверки, препятствуя тем самым законной хозяйственной деятельности [14].

По результатам антикоррупционного мониторинга по Нижнему Новгороду [15], в 2010 г. лишь 23% опрошенных предпринимателей не участвовали в коррупционных сделках. Среди предпринимателей, сообщивших, что они в прошлом прибегали к даче взятки, как средству решения проблем, незаконное вознаграждение в 40% случаев передавалось в целях ускорения рассмотрения документов в органах власти, 23% предпринимателей передавали вознаграждение с целью оставления без внимания проверяющими выявленных нарушений, 8% – для обеспечения победы в тендерах и конкурсах, 6% в целях действия в конкурентной борьбе и иных целях. В целом по стране за 2010 г. и первое полугодие 2011 г. в сфере госзакупок выявлено 60 тыс. нарушений, из них треть – коррупционные преступления [16]. К примеру, ущерб от нарушений при госзакупках оценивается в 3,8 млрд руб. К ответственности привлечено около 7 тыс. чиновников и предпринимателей.

Именно коррупционная сделка (взятничество и коммерческий подкуп) как основной и самый мощный криминогенный (коррупциогенный) фактор должна быть основным критерием юридической оценки правонарушения должностного лица. Во-первых, это обеспечивает защиту населения от поборов, вымогательства и вынужденного «раблепия» перед должностным «величием» в разных сферах – государственного и муниципального управления, здравоохранения, образования. Во-вторых, концентрирует усилия правоохранительных органов на адресную борьбу с коррупционной преступностью. В-третьих, тем самым устраняет статистическую манипуляцию и мифологизацию коррупционной преступности. В-четвертых, конкретизация юридической оценки

коррупционного преступления конкретизирует и соответствующие идеи политического обеспечения противодействия коррупции.

Сегодня же, пока этого нет, с коррупционной преступностью отождествляется вся должностная (служебная) преступность. То есть основным правовым признаком выступает не коррупционная сделка, которая неизбежно влечет соучастие, а должностное положение, корысть, что отнюдь не предполагает обязательного соучастия.

Весьма кстати было бы обратить внимание на понятие коррупционного преступления при работе над законодательными основами борьбы с коррупцией, в том числе над проектом закона «О контроле за расходами» [17]. Полагаю, что такая инновационная мера позитивно скажется на результативности противодействия коррупции и опыт по ее реализации может быть предметом обсуждения на предстоящей международной Конференции государств – участников Конвенции ООН о противодействии коррупции, которая состоится в Москве в 2015 г.

Список литературы

1. Долгова А.И. Коррупционная преступность // Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – С. 718.
2. Национальный план противодействия коррупции // Российская газета. – 2008. – 5 августа.
3. Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – С. 13.
4. О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры РФ № 187/86, МВД РФ № 2 от 30 апреля 2010 г. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257339/> (дата обращения: 20.01.2012).
5. Борьба с коррупцией в государственных органах Республики Казахстан: учеб. пособие / под ред. Е.О. Алауханова. – Алматы, 2008. – URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum6770/item6779.html> (дата обращения: 26.01.2012).
6. Горшенков Г.Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 28.
7. История коррупции в России. – URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fic-group.ru%2Fimg_lib%2Ffross.html&text=%D0%BA%D0%BA

BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D (дата обращения: 17.12.2011).

8. Российское информационное агентство Федерал-Пресс. – URL: http://fedpress.ru/federal/polit/analit/id_217349.html (дата обращения: 24.03.2012).

9. За год средний размер взятки вырос в 4 раза // rbcdaily.ru. – URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/10/18/focus/562949981756678> (дата обращения: 24.03.2012).

10. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер. – URL: http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/lopashenko%2818-03%29.htm (дата обращения: 24.03.2012).

11. Абадиев А.М. Коррупционные сети в российском государственном управлении: политико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. наук: 23.00.02. – URL: <http://www.dissertat.com/content/korruptsionnye-seti-v-rossiiskom-gosudarstvennom-upravlenii-politiko-pravovoi-analiz> (дата обращения: 23.01.2012).

12. В России на 40 процентов выросло число коррупционных нарушений. – URL: <http://www.stringer.ru/publication.mhtml?part=37&pubid=20307> (дата обращения: 27.03.2012).

13. Иванова А.А. Коррупционная угроза и гражданская самозащита // Ученые записки. Т. 9. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2011. – С. 172.

14. По требованиям прокуроров Северо-Западного федерального округа 412 должностных лиц контролирующих органов привлечены к дисциплинарной ответственности за нарушение прав предпринимателей // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <http://genproc.gov.ru/search/?tags>

15. Результаты антикоррупционного мониторинга по Нижнему Новгороду (2010 г.). – URL: <http://www.government-nnov.ru/?id=78667>

16. Чиновники испортили статистику борьбы с коррупцией. – URL: <http://www.bfm.ru/articles/2011/10/12/chinovniki-isportili-statistiku-borby-s-korruptsiej.html> (дата обращения: 19.10.2011).

17. Ефимов А. Его прощальный поклон. – URL: <http://lenta.ru/articles/2012/03/15/corruption/> (дата обращения: 23.03.2012).

В редакцию материал поступил 02.05.12

Информация об авторе

Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12, тел.: (8312) 278 09 25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

A.A. IVANOVA,

PhD (Law), Associate Professor

National Research University of Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

CORRUPTION CRIME: APPROACHES TO DEFINITION

The article views anti-corruption legislation and gives ideas for its improvement. It is suggested to introduce the juridical notion of corruptive crime, and corruptive deal as its main indicator. The prospects of these innovative measures for anti-corruption policy realization are shown.

Key words: corruption crime; corruption indicator; corruption counteraction; corruption deal; corruption networks.

References

1. Dolgova A.I. Korruptsionnaya prestupnost' (Corruption criminality), *Kriminologiya*. Moscow: Norma, 2005, p. 718.
2. Natsional'nyi plan protivodeistviya korruptsii (National plan for corruption counteraction), *Rossiiskaya gazeta*, 2008, 5 August.
3. Mar'ina E.V. *Korruptsionnye prestupleniya: otraslevoe i mezhotraslevoe soglasovanie norm* (Corruption crimes: sectoral and intersectoral agreement of the norms). Samara, 2011, p. 13.
4. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257339/>
5. <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum6770/item6779.html>
6. Gorshenkov G.N. "Protivodeistvie" i "korruptsiya" kak nauchno ne prarabotannye ponyatiya ("Counteraction" and "corruption" as scientifically undefined notions), *Protivodeistvie korruptsii na federal'nom, regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010, p. 28.
7. http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fic-group.ru%2Fimg_lib%2Fross.html&text=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D

8. http://fedpress.ru/federal/polit/analit/id_217349.html
9. <http://www.rbcdaily.ru/2011/10/18/focus/562949981756678>
10. http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/lopashenko%2818-03%29.htm
11. <http://www.dissercat.com/content/korrupsionnye-seti-v-rossiiskom-gosudarstvennom-upravlenii-politiko-pravovoi-analiz>
12. <http://www.stringer.ru/publication.mhtml?part=37&pubid=20307>
13. Ivanova A.A. Korruptsionnaya ugroza i grazhdanskaya samo-zashchita (Corruption threat and civil self-defense), *Uchenye zapiski*. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyatskoi akademii gos. sluzhby, 2011, p. 172.
14. <http://genproc.gov.ru/search/?tags>
15. <http://www.government-nnov.ru/?id=78667>
16. <http://www.bfm.ru/articles/2011/10/12/chinovniki-isportili-statistiku-borby-s-korruptciej.html>
17. <http://lenta.ru/articles/2012/03/15/corruption/>

Information about the author

Ivanova Anna Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Law, National Research University of the Higher School of Economics, Nizhnii Novgorod

Address: 25/12 B. Pecherskaya Str., 603155 Nizhnii Novgorod, tel.: (8312) 278 09 25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

ПОЗНАНИЕ

Малков В.П. Избранные труды. В 3 т. / В.П. Малков. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. – 483 с.

Избранные труды публикуются в связи с 80-летним юбилеем профессора В.П. Малкова по инициативе его учеников.

В томе первом собраны статьи по различным проблемам общей теории права, уголовного права и процесса, судостройства, юридического образования, опубликованные в различных научных журналах, сборниках и других изданиях.

В том второй включены опубликованные в 1968, 1970, 1974 гг. монографии, посвященные учению о множественности преступлений, в частности таким ее аспектам, как преюдиция, повторность поступка, административная повторность преступлений и совокупность преступлений.

В том третий включены опубликованные в 1982 и 2006 гг. монографии, развивающие учение о множественности преступлений. В них дана подробная научно-практическая характеристика общих положений учения: повторности, совокупности, рецидива преступлений, совокупности приговоров и других уголовно-правовых институтов.